

УДК 340.1**Реализация молодежной политики в контексте профилактики экстремистских проявлений: на примере Северо-Кавказского округа****Бидова Бэла Бертовна**

Кандидат юридических,
доцент,
Чеченский государственный университет,
364024, Российская Федерация, Грозный, ул. Асламбека Шерипова, 32;
e-mail: bela_007@bk.ru

Аннотация

Предметом исследования настоящей статьи является анализ вопросов проведения государственной молодежной политики в Северо-Кавказском федеральном округе. Автор приходит к выводу о том, что молодежная политика в анализируемом субъекте нуждается в кардинальных изменениях. Для этого необходимо улучшить ее кадровое, научно-методическое, нормативно-правовое, информационное и финансовое обеспечение. Автором выделены такие принципы реализации молодежной политики, как участие молодых людей и общественных организаций, направленность мер и мероприятий, индивидуальный подход, рассмотрение точки зрения молодых людей на конкретные вопросы, устранение изолированности ведомства, информационная открытость и формирование независимой экспертной структуры. Автор считает, что для реализации поставленных задач необходимо качественно пересмотреть подходы к формированию кадровой системы, создав единую структуру, соединив воедино все отдельные составляющие в подразделения управленческих институтов разного уровня.

Для цитирования в научных исследованиях

Бидова Б.Б. Реализация молодежной политики в контексте профилактики экстремистских проявлений: на примере Северо-Кавказского округа // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 2А. С. 19-25.

Ключевые слова

Молодежь, экстремистские проявления, молодежная политика, проблемы реализации молодежной политики, молодежный рынок труда, системы реализации молодежной политики.

Введение

Неравномерность расселения молодежи по территории нашей страны является одной из существенных проблем, нуждающихся в урегулировании в процессе подготовки и реализации федеральной молодежной политики. Исходя из данных Всероссийской переписи населения, состоявшейся в 2010 г., молодежная категория в возрасте от 14 до 30 лет составила 25,4% в общей численности населения, в республиках Северного Кавказа – более 30%. По этим же данным средний возраст жителей этих республик составляет 31,3 года. Это самый низкий показатель среди прочих по стране [Демоскоп weekly, 2013, www].

Возможны несколько вариантов решения этой проблемы. А.Г. Хлопониным для решения данной проблемы было предложено спровоцировать трудовую миграцию молодежи СКФО в иные регионы страны посредством их поддержки в этом начинании. Он много раз публично заявлял о необходимости особо пристального внимания к молодежному рынку труда в рассматриваемых республиках. По его мнению, сложившуюся демографическую ситуацию и высокий уровень безработицы (свыше 20%) следует исправлять посредством обеспечения молодежи рабочими местами в других регионах. Такая миграция должна быть подконтрольной, и молодые люди должны получать работу в соответствии со своим образованием, а не в качестве рабочей силы, не требующей высокой квалификации [Там же].

Еще одним вариантом решения проблемы можно считать совершенствование профессионального образования и стимулирование трудоустройства молодых людей из СКФО в иных регионах страны, причем на высокооплачиваемую высококвалифицированную работу.

Стоит отметить, что население в целом имеет иную точку зрения на этот вопрос, чем аналитики. При этом следует понимать, что реализация любой политики возможна только при поддержке широких слоев общественности. Это не требующий доказательств постулат политической науки. Однако он зачастую не принимается во внимание государственными деятелями, полагающими, что принимать непопулярные решения можно и даже необходимо за недостаточностью других вариантов. В то же самое время среди населения бытует мнение о том, что национальной политики в нынешней России просто нет или она неправильная. Что уж говорить о бесчисленных опасениях и тревогах, распространенных конспирологических концепциях и умонастроениях. Благоприятствуют этому явлению межэтническая напряженность и полностью незатухающие конфликты между разными народностями, происходящие и в центре страны, и на ее окраинах.

Особенности реализации молодежной политики в контексте профилактики экстремистских проявлений

Существование явного противоречия нельзя отрицать. Президентом РФ В.В. Путиным 19 декабря 2012 г. подписан Указ об утверждении Стратегии национальной государственной политики России на период до 2025 г. В этом документе явно проставлены цели и намерения руководства страны. Среди них указаны сбережение и упрочнение духовного единства народов, оберегание языков и культурных ценностей, помощь выходцам из нашей страны на территории других государств, обеспечение прав этнических меньшинств в России, экономическое и политическое развитие государства. Одновременно с этим определенной частью аналитиков, публицистов и предводителей оппозиционных сил утверждается отсутствие в нашей стране национальной политики [Бидова, 2017].

Конечно, такие утверждения можно отнести к разряду политического словоблудия и политиканства. Однако нельзя вообще отрицать невысокий уровень продуктивности федеральной национальной политики, которую проводят все государственные институты власти. На это указывает много конкретных эпизодов и происшествий, произошедших в последние годы, и неэффективность нововведенной концепции в сфере межнациональных отношений. Этим объясняются обеспокоенность мыслящих людей несостоятельностью национальной политики и необходимость разработки способов ее реализации, особенно той ее части, которая касается молодежной среды.

Существующее мнение о том, что действенность осуществляемой политики напрямую зависит от степени содействия широких общественных масс, нельзя назвать новым. Однако всерьез опираться на помощь населения может себе позволить только политик, но никак не чиновник. Политика всегда остается в рамках административного пространства, если чиновники, уполномоченные заниматься этой политикой на местах, игнорируют общественность и не спешат вступать с ней в диалог. Чтобы молодежная политика перестала быть только инструментом воплощения мер и первоочередных задач власти, она должна существенно и качественно расширить зону выполняемой деятельности и круг своих обязанностей. В этом контексте функция власти должна заключаться в воспроизведении одного или более субъектов политики. Чтобы дело обстояло именно так, власти следует прибавить диалогичности, дискурсивности и коммуникативности. Основным способом достижения поставленной цели в данном случае – это налаживание межэтнического, межкультурного, межконфессионального общения, а также модернизация федерально-конфессиональных отношений [Ганаева, 2017, 132].

Доминирующее нынче в умах убеждение, что существующее положение вещей вызвано проблемами экономики, собственно, недалеко от истины. И в этой среде можно найти главный источник последующего развития и улучшения федеральной молодежной политики. Однако ограничивать все экономикой также нецелесообразно. Надо вести открытый диалог с молодежью о тех проблемах, которые ее волнуют. И это должно стать основным направлением формирования молодежной политики. Согласно данным специалистов, изучающих общественное мнение, брожение умов среди молодежи вызвано в основном неудовлетворенностью своим благосостоянием. На данные этих специалистов ссылались создатели Концепции государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ [Яхьяева, 2017, 147].

Мнение теоретиков о том, что решение проблем между разными этносами и конфессиями возможно исключительно через призму решения проблем экономики, может зародить желание минимизации духовной компоненты. А ведь итоги анализа свидетельствуют о том, что толерантность, мировоззрение, ценностные установки, правила поведения и прочие подобные качества предопределены уровнем умения вести диалог, общаться. Наличие разного уровня развития коммуникативных способностей у людей является научно доказанным фактом. Возможность учета такой реальности выявляет новые аспекты осознания и разработки социокультурных процессов, постановки задач политической, управленческой, психолого-педагогической, организационной, творческой и прочих направленностей, имеющих отношение к молодым людям. А это обязательно будет способствовать предупреждению разных проявлений экстремизма, в том числе религиозного [Жигалова, Харзинова, 2013, 81].

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что представители общественных групп, наделенные достаточным уровнем коммуникативных способностей, обладают особыми

преимуществами. Итоги исследования также свидетельствуют о насущности необходимости всеобъемлющего развития качества понимания масс, в первую очередь подрастающего и молодого поколения, для обеспечения гармоничного развития общества и каждого отдельного человека.

Ввиду этого, не сомневаясь в безукоризненности основного замысла Концепции, все же нужно уточнить, что ее выполнение возможно при условии использования целого ряда мер, способствующих повышению коммуникативных качеств молодежи. Иначе нельзя будет реализовать соответствующие меры совершенствования экономики. Даже если они реализуются, то достигнуть ожидаемых результатов вряд ли удастся. Упоминание в Концепции проблем правового скептицизма и политической отрешенности вкупе с завышенными требованиями внешних знаков уважения, почета и беспочвенными ожиданиями очередной раз подчеркивает низкий уровень развития экономики региона. В то же время за скобками остается другой подход к проблеме, а именно первопричины и природа деиндустриализации округа, принимающей последние двадцать лет обвальную форму. После 1991 г. стало стремительно ухудшаться состояние экономики во всей стране, причем за весь этот период наблюдались периодические подъемы и падения, что осложнило понимание истинной картины экономической жизни во всех российских регионах. Однако настолько стремительно и необратимо, как в СКФО, нигде не разрушалась экономика и не проходила деиндустриализация. В отличие от других регионов, в СКФО были вооруженное противостояние, постоянные партизанские войны, социальная архаизация с возвратом в средневековый строй как единственно возможный способ сохранения какой-то общности. И именно последствия этих событий, а не причины их возникновения обусловили нынешнее состояние экономики. А причины заложены в области отношений между различными культурами и конфессиями, обуславливающими необходимость реализации политиками специального плана действий, на подготовку которого сейчас должны быть направлены все силы.

В СКФО особую роль играет приверженность традициям и обычаям. К этим вопросам население республик относится с большей трепетностью, чем население других регионов. Такое положение обуславливает невысокий социальный статус молодежи округа. Вдобавок снижение уровня профессионального образования минимизирует социальную защищенность и, как следствие, провоцирует создание криминогенных зон, основывающихся на этнической и политической изолированности региона в целом.

Заключение

Сложившаяся ситуация нуждается в трансформации. Для этого в первую очередь надо увеличить штат органов по делам молодежи. Согласно статистическим данным, сейчас количество сотрудников этих структур значительно меньше, чем в аналогичных службах других регионов (в три раза), причем отделения этих служб есть не во всех областях округа. Такое положение вещей исключает возможность создания монолитной системы реализации молодежной политики, разрывая ее в самом основании, разрушая взаимодействие между властью и молодежью. Также следует сказать, что службы и подразделения, которые занимаются молодежной политикой в округе, плохо обустроены и недофинансированы, что ведет скорее к дискредитации их деятельности, чем к получению положительных результатов. Исходя из этого, становятся очевидными утверждения, изложенные в Концепции, о том, что «для того, чтобы повысить эффективность молодежной политики в республиках Северного

Кавказа, необходимо улучшить ее кадровое, научно-методическое, нормативно-правовое, информационное и финансовое обеспечение. Помимо этого, нужно сформировать такую инфраструктуру, которая бы соответствовала тому уровню и сложности целей и намерений, которые перед ней поставлены».

Исходными данными определения вектора развития молодежной политики должны быть не только цели и принципы, но также внедряемые технологии. Поскольку эту политику должны реализовывать не только власти, но и, собственно, молодые люди, то молодежь должна четко знать и удостовериться, что именно она получит все дивиденды от реализации этой программы, если реализация программы увенчается успехом. Только при таких условиях может возникнуть взаимосвязь между властью и молодежью, а политика приобретет коммуникативные и дискурсивные черты. Даже самые передовые и изученные концепции и проекты не заменят коммуникации, предоставляющие возможность осуществления аккуратного подстраивания программ к действительности во время их выполнения. Содержание этой идеи изложено и в Концепции. Там определены такие принципы, как участие молодых людей и общественных организаций, направленность мер и мероприятий, индивидуальный подход, рассмотрение точки зрения молодых людей на конкретные вопросы, устранение изолированности ведомства, информационная открытость и формирование независимой экспертной структуры.

Для реализации поставленных задач следует существенно переформатировать кадровую систему. Нужно создать монолитной систему, соединив воедино все отдельные составляющие, в разные периоды и по-разному способствующие получению хороших специалистов в подразделениях управленческих институтов разного уровня. Примером может служить созданная в Татарстане структура подготовки будущих кадров по работе с молодежью. Такая структура приемлема для СКФО с учетом поликонфессиональности и поликультурности этих территорий.

Библиография

1. Бидова Б.Б. Духовно-нравственное развитие молодежи как элемент профилактики экстремизма // Вестник Эссентукского института управления, бизнеса и права. 2015. № 10. С. 49-54.
2. Бидова Б.Б. Социально-правовая сущность и виды проявлений политического экстремизма // Наука без границ. 2017. № 10. С. 93-96.
3. Бидова Б.Б. Философско-идейный фундамент экстремизма // Вестник Чеченского государственного университета. 2017. № 3. С. 138-144.
4. Бидова Б.Б., Улезько С.И. Маргинальная личность как условие развития группового экстремизма среди молодежи // Вестник Чеченского государственного университета. 2017. № 4. С. 148-153.
5. Ганаева Е.Э. Формы экстремизма и разновидности экстремистского поведения // Вестник Чеченского государственного университета. 2017. № 4. С. 131-133.
6. Демоскоп weekly. 2013. № 549-550. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0549/demoscope549.pdf>
7. Жигалова Е.А, Харзинова В.М. Религиозный экстремизм как фактор угрозы безопасности современной России // Вестник КРУ МВД России. 2013. № 1 (19) С. 80-83.
8. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27.06.2002: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10.07.2002. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/
9. Стратегия национальной государственной политики России на период до 2025 года. URL: <http://www.garaNet.ru/News/437615/>
10. Яхьяева М.У. Экстремизм и экстремистская идеология // Вестник Чеченского государственного университета. 2017. № 4. С. 145-148.

Implementing the youth policy in the context of the prevention of extremist manifestations: a case study of the North Caucasus Federal District

Bela B. Bidova

PhD in Law,
Associate Professor,
Chechen State University,
364024, 32 Aslambeka Sheripova st., Grozny, Russian Federation;
e-mail: bela_007@bk.ru

Abstract

The article aims to analyse the conduct of the state youth policy in the North Caucasus Federal District. The author of the article comes to the conclusion that the youth policy in the analysed district needs fundamental changes. In order to do this, it is necessary to improve its personnel, scientific and methodological, regulatory, information and financial support. The article also outlines the principles of the implementation of the youth policy that include the following: participation of young people and public organisations, target-oriented measures and activities, the individual approach, taking into account the point of view of young people on specific issues that must be resolved, addressing the isolation of the Ministry, the informational openness and the formation of an independent expert structure. In order to implement the tasks, it is necessary to qualitatively reconsider the approaches to building a personnel system by creating a single structure, combining all the individual components into the units of management institutions of different levels. The author points out that there is a need for creating a monolithic system by connecting all the separate components that during different periods and in different ways contribute to training good specialists in the divisions of management institutions of different levels.

For citation

Bidova B.B. (2018) Realizatsiya molodezhnoi politiki v kontekste profilaktiki ekstremistskikh proyavlenii: na primere Severo-Kavkazskogo okruga [Implementing the youth policy in the context of the prevention of extremist manifestations: a case study of the North Caucasus Federal District]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (2A), pp. 19-25.

Keywords

Young people, extremist manifestations, youth policy, problems of the implementation of youth policy, youth labour market, systems for implementing youth policy.

References

1. Bidova B.B. (2015) Dukhovno-nravstvennoe razvitie molodezhi kak element profilaktiki ekstremizma [Spiritual and moral development of young people as a means of preventing extremism]. *Vestnik Essentukskogo instituta upravleniya, biznesa i prava* [Bulletin of Yessentuki Institute of Management, Business, and Law], 10, pp. 49-54.
2. Bidova B.B. (2017) Filosofsko-ideinyi fundament ekstremizma [The philosophical and ideological foundations of extremism]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chechen State University], 3, pp. 138-144.

3. Bidova B.B. (2017) Sotsial'no-pravovaya sushchnost' i vidy proyavlenii politicheskogo ekstremizma [The socio-legal essence and types of manifestations of political extremism]. *Nauka bez granits* [Science without borders], 10, pp. 93-96.
4. Bidova B.B., Ulez'ko S.I. (2017) Marginal'naya lichnost' kak uslovie razvitiya gruppovogo ekstremizma sredi molodezhi [Marginal personality as a condition for the development of group extremism among young people]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chechen State University], 4, pp. 148-153.
5. *Demoskop weekly* [Demoscope weekly] (2013), 549-550. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0549/demoscope549.pdf> [Accessed 14/01/18].
6. Ganaeva E.E. (2017) Formy ekstremizma i raznovidnosti ekstremistskogo povedeniya [Forms of extremism and types of extremist behaviour]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chechen State University], 4, pp. 131-133.
7. *O protivodeistvii ekstremistskoi deyatel'nosti: feder. zakon Ros. Federatsii ot 25.07.2002 № 114-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 27.06.2002: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 10.07.2002* [On countering extremist activities: Federal Law of the Russian Federation No. 114-FZ of July 25, 2002]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ [Accessed 14/01/18].
8. *Strategiya natsional'noi gosudarstvennoi politiki Rossii na period do 2025 goda* [The strategy for Russia's state national policy of for the period until 2025]. Available at: <http://www.garant.ru/news/437615/> [Accessed 14/01/18].
9. Yakh'yaeva M.U. (2017) Ekstremizm i ekstremistskaya ideologiya [Extremism and extremist ideology]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chechen State University], 4, pp. 145-148.
10. Zhigalova E.A, Kharzinova V.M. (2013) Religiozniy ekstremizm kak faktor ugrozy bezopasnosti sovremennoi Rossii [Religious extremism as a factor threatening the security of modern Russia]. *Vestnik KRU MVD Rossii* [Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 1 (19), pp. 80-83.